

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ИЗУЧЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА

Дорохова Е.А.,

*Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук*

Морозов Д.В.,

*Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова,
Московский государственный институт культуры*

Аннотация. В статье рассматривается длительный исторический путь становления научных взглядов и этапы формирования государственной политики в сфере традиционной народной культуры.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, этнокультурное достояние, ЮНЕСКО, государственная культурная политика, этномузыкология, фольклорно-этнографические экспедиции, фольклорные фонды и архивы.

Начало всякого научного знания связано с возникновением дистанции между исследователем и объектом его изучения, с «разрывом» в понимании лежащих в его основании глубинных смыслов. Обычно такое разделение обусловлено исторически и связано с формированием новой социокультурной парадигмы. В русской истории таким рубежом, «точкой разъединения» явился XVII век, когда в общество, объединенное единым мировоззрением, системой верований, во многом связанной с древним мифологическим сознанием, общими видами светского и церковного музыкального искусства – начали проникать новые веяния из западноевропейского мира. Эти новации достаточно быстро охватили самые разнообразные области общественного бытия – формы ведения хозяйства, торговлю, государственные структуры, конфессиональные организации, повседневный быт, систему празднично-обрядовой деятельности и связанные с ней культурные формы, и многое другое. Степень усвоения этих нововведений различными стратами российского общества была неодинаковой. Сельское население, составлявшее абсолютное большинство, в силу своей консервативности достаточно медленно поддавалось новым влияниям, которые с энтузиазмом были восприняты многими городскими жителями, прежде всего – состоявшими на государственной службе, молодежью и

представителями дворянской аристократии, многие из которых стали получать образование в западноевропейских университетах. Нововведения, пришедшие из Европы, считались престижными, поскольку поддерживались властными структурами Российского государства. Возник новый слой культурных явлений, в частности, фольклорных текстов, зародившийся в слободах – рабочих пригородах. Там оседало население близлежащих сел, ремесленники из числа сезонных крестьян-отходников, отслужившие свой срок солдаты, торговцы, семинаристы. Жители слобод первыми впитывали основы городской музыкальной культуры, в том числе и ту ее часть, которую исследователи позже стали называть «книжной песней» [5, с. 343–373]. Она стала одним из «связующих звеньев» между городской и крестьянской культурой и способствовала проникновению нововведений в устоявшийся патриархальный быт русской деревни. По-видимому, в слободской среде, с ее вкусами, в немалой степени определявшимися культурными предпочтениями священников и семинаристов как наиболее просвещенной части населения, произошло слияние городских песен, большинство которых имело авторское происхождение, и псалм, пришедших из монастырских школ. В результате появилось множество музыкально-фольклорных текстов, в которых эти источники переплелись весьма причудливо; некоторые из них ушли в сельскую среду, где их позже зафиксировали фольклористы.

В отечественной науке существует большое количество трудов по истории русской фольклористики, включающее и учебную, и научно-популярную литературу [3; 6]. Российская наука формировалась позже западноевропейской и на раннем этапе своего существования естественным образом заимствовала у нее многие идеи и положения. Так, несомненное влияние на нее оказало романтическое художественное направление с его идеализацией прошлого, острым интересом к древней мифологии и эпическому наследию. Вошло в моду собирание фольклорных редкостей, воспринимавшихся как отголоски давно прошедшего героического прошлого. Первыми собирателями фольклора стали просвещенные любители, увлеченные

идеями западных ученых мифологической школы (Бруно Бауэра, Давида Штрауса, Джона Робертсона, Уильяма Смита и др., а в области фольклористики – В. и Я. Гриммов, Э. Леннрота). На труды российских исследователей первоначально оказала влияние теория культурных заимствований, согласно которой все национальные проявления сводились к единому источнику, в качестве которого обычно выступала античная культура в своих разнообразных проявлениях.

Однако достаточно быстро сформировалось понимание особенного характера русской народной культуры, обусловленного оригинальностью и независимостью ее исторического развития. Следствием явились труды представителей исторической школы, главной идеей которых стали поиски источников русского фольклора в событиях отечественной истории. Наиболее яркими представителями этого направления были Н.И. Костомаров, Л.Н. Майков, в значительной степени – А.Н. Веселовский; К.Ф. Калайдович, в 1818 году написавший предисловие к сборнику Кирши Данилова; а в более поздний период – А.В.Марков, Б.М. и Ю.М. Соколовы. Благодаря их усилиям тема «Фольклор и историческая действительность» на долгие годы утвердилась как одна из магистральных в российской фольклористике.

Из других направлений вызывает большой интерес финская школа (Ю. Крон, А. Аарне), разрабатывавшая историко-географический метод, согласно которому, анализируя изменения в эпических сюжетах (возникающие, по мнению ученых, вследствие их миграции), можно определить, где находился их первоисточник. Фактически такие взгляды являются отдаленным первоисточником ареалогических исследований, получивших развитие во второй половине XX столетия. Нельзя не упомянуть и русскую школу, согласно установкам которой устная словесность, и в первую очередь эпические произведения и сказки, воспринимались не столько как памятники старины, сколько как живое явление крестьянской культуры. Для трудов представителей этого научного направления характерно пристальное внимание к разнообразным контекстам воспроизведения фольклора, к механизмам их трансмиссии, а также к

личности носителя традиции: сказочника, эпического сказителя. Однако потребовалось еще несколько десятков лет, чтобы эти первые наблюдения оформились в самостоятельное антропологическое направление отечественной науки.

Сложная комплексная природа объекта изучения – устных фольклорных текстов – способствовала возникновению и развитию направлений отечественного народоведения, большинство из которых не только было сосредоточено на изучении какой-то одной сферы фольклорных явлений, но и порождало свои исследовательские стратегии. Рассмотрим этот процесс на примере этномузыкологии, изучающей музыкальную (и шире – звуковую) сферу народной культуры. Как научная дисциплина она сложилась достаточно поздно, о чем свидетельствует и ряд названий, которые она носила на первых этапах своего существования: сравнительное музыкознание, музыкальная этнография, музыкальная фольклористика и, наконец, этномузыкознание (этномузыкология). В них отразились сменявшие друг друга представления о предмете и целях его исследования, о методах, принятых на вооружение учеными.

Устный способ трансмиссии текстов, абстрактный характер самой музыкальной материи обусловили большое значение форм научной деятельности, связанных со способами фиксации музыкально-фольклорных текстов, а также с восстановлением контекстов их бытования в традиционной народной культуре. Чрезвычайно важным, определяющим облик этномузыкологии как научной дисциплины является принципиальная комплексность объекта исследования, объединяющего слово, музыку, движение, а зачастую еще и игру на музыкальных инструментах и звуковых орудиях. Именно эта сложная внутренняя структура объекта постепенно привела к возникновению «дочерних» научных дисциплин: этноорганологии /этноорганофонии, изучающих строение традиционных народных инструментов, а также исполняемую на них музыку, и этнохореологии – науки о народном танце.

Раньше других дисциплин, изучающих народную культуру, этномузыкология обратилась к данным смежных наук: этнографии и

этнологии, лингвистики, исторической географии; а затем и к более отдаленным семиотике, теории систем, социологии, синергетике и др. Наиболее тесными были связи с филологической фольклористикой – через труды по народному стиховедению, оказавшиеся базисными для осознания природы музыкально-фольклорных текстов, а также с этнографией, зарождавшейся и развивавшейся параллельно с этномузыказнанием.

Материалом для первых исследований народной музыки послужили слуховые записи народных песен, многие из которых включались в рукописные, а затем и печатные песенные собрания. Их составителями были литераторы, композиторы и музыканты-исполнители на различных инструментах, которые предназначали свои издания в первую очередь для бытового любительского музицирования. Вплоть до 1860-х годов произведения музыкального фольклора записывались от горожан-любителей народных песен. В быту песни исполнялись ими сольно в сопровождении гитары, гуслей или фортепиано, а во многих сборниках были представлены переложения для трех- или четырехголосного хора. Обращает на себя внимание и тот факт, что подавляющее большинство исполнителей, от которых были записаны песни – мужчины, в то время как в русском музыкальном фольклоре, особенно обрядовом, преобладает женское пение.

Содержание ранних собраний народных песен также отражало преимущественно мужскую исполнительскую традицию: это были лирические песни, в большинстве своем связанные с городской культурой, а также популярные плясовые и хороводные песни, звучавшие в пригородных слободах. Одновременно сохраняя связи с сельской средой, они явились проводниками, привносившими в нее новые веяния из города.

Наряду с русскими в издания включались и украинские (малороссийские) песни. Особую позицию среди ранних нотных публикаций занимает сборник Кирши Данилова (1818 г.), созданный в среде горнозаводских рабочих Урала, трудившихся на приисках П.А. Демидова – в нем основное место отведено эпическим

произведениям (былинам, ранним историческим песням, духовным стихам), причем представленным в инструментальном (скрипичном) исполнении.

К середине XIX столетия сформировались представления о том, что достоверный материал для изучения фольклора необходимо собирать в сельской среде. Некоторые любители русской старины на долгие месяцы уходили «в народ», странствовали по отдаленным, глухим уголкам России, записывая образцы местных диалектов, песни, сказки и мифологические рассказы. Одним из первых таких собирателей был П.И. Якушкин – член славянофильского кружка, руководимого писателем, собирателем древних рукописей П.В. Киреевским и поэтом Н.М. Языковым. Собирательская деятельность значительно активизировалась в конце 1840-х годов в связи с учреждением Русского географического общества, продолжающего свою деятельность и в наши дни. Важным итогом экспедиций 1860-х – 1880-х годов стало осознание многоголосной природы русской вокальной традиции и поиск способов ее фиксации; понимание региональной специфики музыкального фольклора, существующего в обширной совокупности вариантов, закрепленных за конкретными местностями, что требовало их подробной и точной паспортизации. Так складывались основы документирования источников, необходимого для их дальнейшего аналитического исследования.

Накопление материала естественным образом приводило к развитию музыкальной науки о традиционной народной культуре. Этапными явились труды В.Ф. Одоевского, утверждавшего своеобразие и коренное отличие русской традиционной музыки от западноевропейской в устройстве не только звуковысотного, но и ритмического ее облика. Вместе с тем он впервые интуитивно ощутил «истинное сродство» русских народных песен с песнопениями знаменного роспева. Важнейшим достижением научной мысли стала статья композитора и музыкального критика А.Н. Серова «Русская народная песня как предмет науки», опубликованная в 1869–1871 годах в нескольких выпусках газеты «Музыкальный сезон» под

редакцией А.С.Фаминцына, подводившая итоги раннего периода ее собирания и изучения. Он впервые обосновал комплексный характер науки о народном музыкальном творчестве, находящейся «в теснейшей связи» с физиологией звука, этнографией, историей культуры, филологией.

В конце 1880-х годов был издан труд П.П.Сокальского «Русская народная музыка, великорусская и малорусская, в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ современной гармонической музыки» [12]. В нем содержались многие идеи, получившие развитие в отдаленном будущем: региональный характер не только песенного репертуара, но и самого музыкального языка; необходимость исследования фольклора с позиций эволюционизма, внедрение системного подхода и физико-акустической теории музыкального звука и музыкального времени в изучении особенностей традиционной музыкальной культуры.

Начало XX века было ознаменовано созданием в Москве Музыкально-этнографической комиссии (МЭК) в структуре Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. МЭК стала первой структурой, объединившей в своей работе важнейшие направления деятельности в области традиционной культуры, сохраняющие актуальность и в наши дни: собирание, описание, изучение, популяризацию (актуализацию). Участники МЭК впервые в отечественной экспедиционной практике осуществили фиксацию произведений музыкального фольклора с помощью звукозаписывающего аппарата – фонографа, незадолго до этого изобретенного Томасом Эдисоном. Как писал этнограф Д.Н.Анучин, «изобретение фонографа <...> дало новое орудие для этнографа и лингвиста: явилась возможность записывать с точностью, подобной фотографированию, народное пение, звуки и говор на различных языках, народные песни, былины, сказания, религиозное служение, заклинания, шаманское камлание и т.д.» [1, с. 271].

Магистральная линия в изучении фольклорного наследия и практической деятельности на его основе определила облик отечественной науки на три десятилетия, вплоть до начала 1930-х

годов. Однако рубеж 1920-х – 1930-х годов был связан не только с кардинальными изменениями в жизни русской деревни, с разрушением сельской общины; но и со значительным усилением идеологического диктата в области культуры, с внедрением «классового подхода» к образцам народного творчества, запретом на изучение «вредных» и «чуждых советскому строю пережитков» русской старины. Так, исключалась запись духовных стихов и заговоров, православных песнопений народной традиции. С этого времени разрешалось и приветствовалось только исследование новых фольклорных произведений: частушек, песен о колхозах, о Красной армии, революционных песен и т.д. В кругу изданий музыкального фольклора стали преобладать песенники и репертуарные сборники, адресованные коллективам сельской клубной самодеятельности. Известным сказителям заказывалось создание «новин» — эпических текстов о реалиях советского строя и коммунистических вождях, над которыми им помогали работать профессиональные литераторы и фольклористы. Многие старинные исторические песни сохранялись в крестьянском быту только благодаря перетекстовкам — замене имен героев песенного повествования (так, вместо народного героя — казака Платова стал упоминаться Ленин).

Изменился и сам характер науки: ее мировоззренческие основания не подлежали рассмотрению, изучаться должны были лишь сами фольклорные тексты, причем абсолютный приоритет принадлежал слову как главному носителю идеологического содержания. Музыкальная этнография превратилась в музыкальную фольклористику — дисциплину, призванную лишь иллюстрировать идеи и достижения филологии. Для того, чтобы избежать политической ангажированности и репрессий, многие этномузыковеды сосредоточили свое внимание на исследовании собственно музыкального склада народных мелодий: особенностей ритмики, мелодики, многоголосия. В перспективе это привело, во-первых, к развитию структурно-типологического направления в этномузыкологии, а во-вторых, определило принципиальное различие между отечественной и западноевропейской этномузыкологией.

Разъединившись с филологической фольклористикой (по идеологическим причинам) и с этнографией (вследствие гонений на эту дисциплину), музыкальная наука о традиционной народной культуре перешла в ведение классического музыковедения, где рассматривалась как научное направление, изучающее источники творчества российских и советских композиторов. Исследователи должны были иметь обязательное консерваторское образование, в отличие от своих западноевропейских коллег, которые совершенствовались в университетах, где в наибольшей степени были направлены на изучение антропологии, этнографического и социального контекста. Следствием явилось господство в отечественном этномузыкальном знании аналитических трудов, предполагающих абсолютное преобладание синхронного анализа музыкальных текстов при невнимании к исторической проблематике, неизученности процессов трансформаций, которые, как сейчас уже ясно, определяют современный облик традиционной народной культуры. Преодоление этих тенденций сформировало главное, наиболее актуальное направление современной отечественной этномузыкалогии в конце XX века и в первые десятилетия XXI века.

В 2022 году, объявленном Годом культурного наследия России, был принят Федеральный Закон о нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации — долгожданный государственный документ, работа над созданием которого продолжалась более 10 лет. Однако история отношений между государством и народной культурой уходит корнями в прошлое; она была драматичной, иногда даже трагической, переживала взлеты и падения, но вплоть до наших дней по многим причинам не была осознана и описана.

Первые факты относятся к середине XVIII столетия, к эпохе царствования Елизаветы Петровны, когда в российском обществе обозначилась реакция на массовую интервенцию западноевропейской культуры, приносимой иностранными специалистами, переселявшимися в Россию по приглашению правящей элиты, а иногда и по собственной инициативе — в поисках богатства и лучшей доли. Этот процесс, начатый при Алексее Михайловиче, значительно

усилился благодаря политике Петра I и достиг своего апогея в эпоху царствования Анны Иоанновны.

Елизавета, напротив, всячески поддерживала идею ценности всего русского, национального самоутверждения, увлекалась народными песнями и даже сама, согласно бытовавшим в народе убеждениям, сочиняла песни в народном духе. Именно в эти годы появляется большое количество рукописных, а позже и печатных песенников, в которые, наряду с популярными в российских городах песнями, включаются и сочинения русских поэтов «в русском стиле». Тогда же формируются первые основы будущей науки о быте и верованиях народов России – этнографии (позже – этнологии). Показательно, что уже с 1730-х годов, когда историком В.Н. Татищевым была составлена Программа по сбору исторических и географических сведений, а также народных обычаев, обрядов и др., эта деятельность курировалась военными структурами и была в центре внимания представителей царской семьи и воспринималась как чрезвычайно важная для государственной политики, наряду с изучением природных ресурсов Российской империи.

Без сомнения, важнейшим периодом с точки зрения интересующей нас проблемы, стали годы правления императора Николая I, когда графом Сергеем Семеновичем Уваровым создавалась идеология официальной народности. С.С.Уваров, блестяще и разносторонне образованный человек, знаток античности, начинал свою деятельность на дипломатической службе, но позднее благодаря родственным связям перешел в Министерство народного просвещения. Уже в молодом возрасте стал членом (а позднее – президентом) Российской Академии наук, помощником директора Императорской публичной библиотеки, почетным членом Общества любителей русской словесности. В 1833 году был назначен министром народного просвещения и оставался им вплоть до 1849 года. В циркуляре, составленном при вступлении в должность, обнародовал свою основную идею, которая позднее стала восприниматься как сжатое воплощение *русской государственной доктрины*: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное

образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности».

В непрекращающейся полемике «западников» и «славянофилов» по поводу того, по какому пути следует развиваться государству Российскому: идти по пути присоединения к сообществу западноевропейских народов или отстаивать свои собственные ценности, С.С.Уваров придерживался умеренно славянофильской позиции. Он отрицал идеи демократических свобод как не соответствующие внутренним устремлениям народов России, дух индивидуализма и рационализма, определяющий для народов Европы. Вместе с тем, Уваров всемерно способствовал развитию «университетской культуры» по самым передовым европейским образцам, сам основывал университеты в ряде российских городов (например, в Санкт-Петербурге и Киеве) и стремился превратить их в интеллектуальные и культурные центры. Таким образом он, как и многие его соратники по обществу «Арзамас», допускал заимствования из западноевропейской культуры, но только те, которые шли на пользу России и укрепляли ее своеобразие.

В своей триаде «Православие – Самодержавие – Народность» он использовал термин «народность», введенный князем П.А.Вяземским в 1823 году для обозначения того, что в наши дни именуется «национальной идентичностью», причем понимаемого в историческом развитии. Именно *народность* как мировоззренческое начало, по разумению С.С.Уварова, является основанием и для православия, и для самодержавия. И здесь важно отметить, что русская народность в восприятии Уварова не идентична славянам и великороссам, потому что не все славяне творили русскую историю, а великороссы – слишком узкое понятие на фоне множества народов, населяющих земли государства Российского.

Одним из главных событий, связанных с эпохой деятельности Уварова, стало основание Русского географического общества 6 (18) августа 1845 года. Выдающийся путешественник и общественный деятель П.П. Семенов-Тянь-Шаньский писал: «Основная идея учредителей Общества – привлечь к изучению родной земли и людей,

на ней обитающих, все лучшие силы русской земли». О важности этой организации и возложенных на нее обязанностей свидетельствует тот факт, что оно было создано по представлению министра внутренних дел Российской империи графа Л.А. Перовского, а первым его председателем стал великий князь Константин Николаевич. Впоследствии официальными председателями (президентами) РГО также были члены российской императорской семьи; вице-президентами – выдающиеся путешественники и ученые, а попечителями – сами императоры. Эта традиция сохраняется и наши дни: в течение долгого времени РГО возглавлял глава Совета безопасности С.К. Шойгу, в мае 2024 года на эту должность был избран Министр обороны Российской Федерации А.Р. Белоусов, а главой Попечительского совета с 2009 года является Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Важнейшей инициативой Русского географического общества стало создание Этнографической программы «с целью собрать сведения о простом русском человеке, о народном быте коренного русского населения», как указывалось в сопроводительной записке к ней. Создателями Программы стали деятели РГО Н.И. Надеждин, К.А. Неволин и В.И. Даль.

Н.И. Надеждин занимал должность председателя Отдела этнографии РГО и одновременно являлся чиновником Министерства внутренних дел; был одним из крупных исследователей старообрядчества и русского сектантства. Один из его трудов – «Об этнографическом изучении народности русской» – был опубликован в Записках РГО, № 2 за 1847 год.

К.А. Неволин осуществлял свои исследования на стыке истории, этнографии и правоведения; В.И. Даль более всего известен как автор капитального многотомного труда «Толковый словарь живого великорусского языка», но деятельность его была намного более многогранной, он проявил себя не только как этнограф, фольклорист, диалектолог и лексикограф, но и как талантливый врач.

Созданная ими Программа, разосланная по губерниям в количестве 7000 экземпляров, включала 6 разделов: внешний облик

местных жителей, язык и его диалекты, домашний быт, общественный быт, умственные и нравственные характеристики населения, народные предания и обычаи. В 1848 году в Отчете ИРГО было дано описание этой программы, в котором рекомендовалось обратить внимание на: «...2) язык – главный орган народности – во всем разнообразии местных наречий и говоров»; 3) домашний быт, «в котором вернее всего сохраняется древнее наследие первобытных нравов и обычаев»; ...6) народные предания и памятники – «эту живую, беспристрастную историю, в которой народ высказывает себя как он есть, без всякого притворства и самообольщения» [2, с.460 – 471].

В первый же год было получено свыше 500 ответов на эту программу; впоследствии появилось несколько ее расширенных переизданий, более подробных, с разъяснениями по поводу ответов на вопросы. В 1858 году появилась отдельная Программа по свадебному обряду. Основными корреспондентами стали представители сельской интеллигенции – учителя, врачи, священники. В течение 1840-х – 1850-х годов их ответы составили 115 этнографических архивных коллекций, включавших более 13 000 единиц хранения. Часть материалов до сих пор остается неопубликованной.

Последние десятилетия XIX века и начало нового, XX века были ознаменованы небывалым размахом экспедиционной собирательской работы, что стало возможным благодаря значительному увеличению ее государственного финансирования. Примечательно, что заказчиком выступили военные ведомства. Это было связано с изменениями, произошедшими в составе Российской империи во второй половине XIX столетия.

В 1864 году, закончилась Кавказская война. К 1894 году завершилось завоевание Средней Азии, и была утверждена южная граница государства на Памире. В состав России вошли огромные территории, которые были столь велики и удалены от центра, что их трудно было содержать и контролировать. Именно этим была вызвана продажа Русской Америки. Хотя принято считать, что расширение России происходило мирным путем, тем не менее эпизодически возникали конфликтные межэтнические ситуации. Для

того, чтобы предотвратить эти конфликты и проводить гибкую национальную политику в таком полиэтническом государстве как Россия, царское правительство пошло по единственно правильному пути – оно стало поддерживать народоведческие науки и поставило перед ними задачу изучения традиционной культуры многочисленных народов, населяющих Российскую империю с целью выработки оптимальных механизмов управления этими народами и ликвидации угрозы межнациональной розни.

Для того, чтобы грамотно и эффективно выстраивать отношения с народами, присоединившимися к России, необходимо было изучить их обычаи, верования, особенности национальной идентичности. Большой интерес военных вызывало и донское казачество, в связи с чем было принято решение о финансировании полевых исследований выдающегося собирателя, знатока традиций донского казачества А.М. Листопадова [10, с. 7–15].

В первые годы советского государства (вплоть до 1930-х годов) внимание властных структур было сосредоточено на военно-политических, социальных и экономических проблемах. Позже, поставив своей целью разрушение крепкой крестьянской общины и проведение новой культурной политики, внедрение социалистической идеологии в патриархальный мир русской деревни, советское государство предприняло для этого ряд достаточно жестких мер, коренным образом изменив облик традиционной народной культуры.

В послевоенные годы возникла острая необходимость в человеческих ресурсах для восстановления российских городов. Для того, чтобы привлечь как можно больше трудоспособной молодежи к выполнению этой задачи, был использован идеологический механизм создания негативного образа отсталой деревни, всячески поддерживаемый кинематографом и средствами массовой информации. Молодежь стала стесняться своего деревенского происхождения, охотно покидала родные места, где оставались одни старики. И если коллективизацию и раскулачивание традиционная народная культура с большим трудом смогла выдержать, то от этого удара она уже не смогла защитить себя. Всем ученым, проводившим

полевые исследования в 1970-е – 1980-е годы, довелось ясно ощутить два «слома» народных традиций: некоторые из них активно бытовали только «до колхозов», а оставшиеся угасли в послевоенные годы. С этого времени информация о фольклорных традициях хранилась преимущественно в памяти сельских жителей старшего поколения.

Параллельно, начиная с 1930-х годов, стал создаваться официальный образ «народного творчества» – массового, оптимистического, принципиально коллективного, обезличенного и легко управляемого. Главным инструментом для этого стали государственные народно-певческие коллективы, далекие от эстетики подлинного народного искусства. Начиная с 1970-х годов это способствовало созданию негативного образа народных хоров и постепенному отторжению, неприятию их творчества просвещенными слоями общества. Последствия такой опрометчивой политики приходится преодолевать до сих пор.

Некоторые изменения в государственной культурной политике наметились лишь в конце 1980-х годов под влиянием нарастающего общественного процесса, получившего название «фольклорного движения». К этому времени информация о традиционной народной культуре была прочно забыта широкими кругами населения нашей страны, а молодежь была полностью оторгнута от своего культурного наследия. Первоначально фольклорное движение развивалось в среде столичной интеллигенции и студенчества, позже охватило и провинциальные города, и сельскую местность.

И все же значительные сдвиги в государственной культурной политике наметились лишь в начале XXI столетия после принятия ЮНЕСКО Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия 17 октября 2003 года [4]. Этот первый в мировой истории правовой акт, направленный на сохранение области человеческой деятельности, не связанной напрямую с созданием материальных ценностей, был с энтузиазмом воспринят мировым сообществом и ратифицирован большинством государств. Российская Федерация первоначально весьма оптимистично отнеслась к Концепции 2003 года. Был создан Комитет по делам ЮНЕСКО,

рекомендованы объекты для включения в Международный реестр мирового нематериального культурного наследия, начал разрабатываться национальный Каталог объектов нематериального культурного наследия. Огромный вклад в эту работу в нашей стране внес Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова [9, с. 11–17]. В конце 2008 года была утверждена Федеральная целевая программа «Сохранение нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2013 гг.», во многом опиравшаяся на положения Конвенции ЮНЕСКО. В ней впервые в нашей стране декларировалось понимание традиционной народной культуры как механизма, способного решать важнейшие политические, социальные и экономические проблемы, стоящие перед государством: воспитание патриотизма, укрепление семейных ценностей, восстановление и развитие сельских территорий и др.

Однако уже к началу 2010-х гг. стала очевидной утопичность многих положений как российской Государственной программы, так и Концепции ЮНЕСКО. Международный реестр обнаружил свой номинальный характер, никаким образом, не гарантируя заявленную поддержку объектов нематериального культурного наследия, а сами объекты отбирались поверхностно и субъективно и были неудовлетворительно атрибутированы. Кроме того, условия западноевропейской действительности и правовые основания Концепции ЮНЕСКО не соответствовали исторически сложившимся реалиям российской общественной жизни и государственной культурной политике. Как следствие Федеральная целевая программа не была полностью реализована; к началу 2010-х гг. ни одно из запланированных в ней глобальных начинаний не осуществилось, поскольку не имело правовой базы и необходимого обоснования. Назрела острая необходимость в принятии собственного Федерального закона, который регулировал бы деятельность в сфере нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, исходя из анализа современного состояния традиционной народной культуры и ее роли в российском обществе.

В этот период при практически полном отсутствии каких-либо официальных документов важнейшее, программное значение приобрели материалы заседания Госсовета 26.12.2006 г. «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России» и прежде всего выступление на нем В.В. Путина. Приведем несколько цитат из стенографического отчета этого заседания, которые приобрели остро актуальное звучание в наши дни. «Идеологический вакуум, образовавшийся после крушения коммунистической идеологии, заполняется, и он обязательно будет заполнен или экстремизмом, шовинизмом, разрушающим нас национализмом и национальной нетерпимостью, или при нашей с вами активной поддержке – гуманистическими общечеловеческими ценностями. Для нас с вами важно, чтобы эта работа строилась на нашей традиционной национальной культуре, если мы не хотим утратить своего своеобразия и идентичности в глобальном мире, в условиях глобализации. <...> Наша общая задача – не только решать финансовые проблемы, но и повышать престиж профессий, связанных с традиционной культурой. Важно также приобщать молодежь к процессу сохранения народного наследия. Сделать все необходимое, чтобы опытные мастера могли передать им свой опыт и увлеченность традиционной культурой народов Российской Федерации» [13].

Работа по подготовке Федерального закона и сопутствующей ему Концепции сохранения и развития национального этнокультурного достояния продолжалась в течение 10 лет, в ней принимали участие подведомственные учреждения и организации Министерства культуры Российской Федерации, а для обсуждения этих документов привлекались ведущие ученые, практики, представители творческих коллективов и государственных структур. Попутно создавались региональные законы, многие из которых действуют до сих пор. В них учитывается система межэтнических, хозяйственных, социально-экономических, конфессиональных связей, исторически сложившаяся в конкретных регионах, что обеспечивает актуальность и действенность этих документов.

Первый вариант «Концепции сохранения и актуализации нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на период до 2030 года» был создан в 2017 году. Он имеет ряд инновационных черт, многие из которых можно оценить положительно; об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что некоторые его положения были перенесены во второй вариант Концепции, принятый и утвержденный в 2022 году. Так, в первом варианте была намечена магистральная линия деятельности в области НКН: выявление объектов – их описание – исследование – архивное хранение – защита – популяризация (использование) – трансмиссия (передача от поколения к поколению). Важной положительной деталью Концепции следует признать присутствующие в ней определения ключевых понятий, таких как «традиционная народная культура», «фольклор», «профессиональное народное искусство», «любительское народное художественное творчество», «фольклорно-этнографический коллектив», «носитель нематериального культурного наследия», «объект» и «описание объекта нематериального культурного наследия», «фольклорно-этнографический фонд», «сохранение» и «актуализация нематериального культурного наследия».

Вместе с тем, первый вариант Концепции не лишен ряда существенных недостатков, главным из которых является отсутствие точных указаний на то, кто должен осуществлять весь гигантский объем указанных в ней видов деятельности. Не учитываются многие реалии отечественной культурной жизни. Следует также отметить неконкретность и расплывчатость второго раздела («Условия сохранения и актуализации НКН»), и, напротив, чрезмерную подробность различных численных показателей, достижение которых в условиях российской действительности не может не вызвать обоснованных сомнений.

В октябре 2022 года был принят и одобрен долгожданный Федеральный Закон о нематериальном этнокультурном достоянии. Безусловно это событие стало этапным в истории нашего государства, подвело итоги многолетней работы в данной области культурной политики и определило ее перспективы на долгие годы. Вместе с тем,

подробный анализ этого документа выявляет его слабые места, которые нуждаются в определенной корректировке и разъяснении. Это должно быть компенсировано с помощью подзаконных актов, один из которых появился в начале февраля 2024 года. Таким документом стал 2-й, итоговый вариант «Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации до 2030 года». Рассмотрим некоторые положения этих двух государственных актов, определяющих «цели, задачи и принципы государственной поддержки в области нематериального этнокультурного достояния».

Первое, что бросается в глаза – замена ключевого определения: вместо «наследия» теперь употребляется понятие «достояние». Можно предположить, что причиной послужило желание окончательно отмежеваться от Концепции ЮНЕСКО и утвердить свой собственный путь в данной области. Думается, однако, что истинный смысл лежит гораздо глубже. «Наследием» именуется то, что было передано нам предыдущими поколениями жителей нашей страны, причем оно может быть не активным, то есть храниться только в памяти его носителей. В связи с таким пониманием первостепенное значение приобретают действия по его актуализации, включению в современную общественную жизнь. Понятие «наследия» также подразумевает его изначальную, не подвергаемую сомнению ценность, поскольку оно передавалось в течение долгого времени не благодаря, а часто вопреки внешним обстоятельствам.

«Достояние» – означает «то, что мы имеем сейчас», вне зависимости от того, когда оно было обретено, и таким образом может и не быть связанным с наследием, во всяком случае по своим формальным признакам. С одной стороны, такое понимание соответствует современному состоянию традиционной народной культуры, когда нововведения в ней начинают преобладать над изначальными формами, и она стремительно меняет свой облик. С другой стороны, обращаясь исключительно к современным формам, мы рискуем потерять то, что было накоплено в течение веков предшествующими поколениями россиян.

Вероятно, отчасти в стремлении исправить недостатки первого варианта Концепции в окончательной ее версии утверждается ведущая роль культурно-досуговых учреждений как хранителей этнокультурного достояния и основных исполнителей обозначенных в ней задач. Вообще в Концепции дается только три определения: «народное творчество», «культурно-досуговое учреждение» и «фольклор», причем фольклор оказывается полностью идентичным народному творчеству. Такое понимание, существовавшее еще в середине прошлого столетия, сейчас выглядит узким и несовременным, поскольку исключает мировоззренческую составляющую традиционной народной культуры и ее системный характер.

Хотя в заглавиях разделов Концепции заявлен анализ текущего состояния фольклора, в реальности он отсутствует, что вполне объяснимо. Для того, чтобы осуществить его, необходимо организовать и провести мониторинг сохранившихся форм традиционной народной культуры (а не мероприятий по ее поддержке, поскольку в настоящее время не вполне ясно, что и как необходимо поддерживать) по специально разработанной подробной программе, причем согласно правилам мониторинга обследование необходимо проводить регулярно, по крайней мере раз в три года.

Еще одним важным положением и Закона, и Концепции является то, что достоянием по факту может быть признано только то, что выявлено и включено в региональные и федеральный электронные реестры объектов нематериального этнокультурного достояния. Это положение, хотя и вызывает целый ряд вопросов, имеет большой позитивный смысл, поскольку привело к финансированию и организации крупнейшего проекта Министерства культуры РФ, проводимого Государственным Российским Домом народного творчества имени В.Д. Поленова, – «Цикла фольклорно-этнографических экспедиций по выявлению и фиксации объектов нематериального этнокультурного достояния», и осуществляемого, начиная с 2022 года, в большинстве регионов Российской Федерации.

В реальности данный проект выполняет целый комплекс задач просветительского, методического, координационного характера,

поскольку объединяет ведущих ученых: этнологов, филологов, этномузыкологов и практиков – сотрудников региональных Домов (центров) народного творчества. Помимо форм полевого исследования данный проект предполагает семинары, мастер-классы, творческие лаборатории по освоению форм необходимой документации и архивации объектов нематериального этнокультурного достояния. Именно благодаря этой деятельности в последние годы стало складываться реально и эффективно работающее сообщество специалистов, способных грамотно и на высоком профессиональном уровне осуществлять задачи, заявленные в Федеральном Законе о нематериальном этнокультурном достоянии и Концепции по его сохранению.

Народная культура, являясь сложной системой, обеспечивающей жизнеспособность социума, вырабатывает определенные механизмы адаптации, которые помогают ей оперативно реагировать на постоянно изменяющиеся условия окружающей среды: природной, социально-политической, экономической, информационной и т.д. Как и любая другая, традиционная культура реализует стратегию выживания общества и не может рассматриваться как реликт, сохраняющийся в современности только благодаря своей консервативности.

Новое понимание главного объекта исследования народоведческих наук определяет магистральную линию современного изучения фольклорных явлений. Одна из задач антропологов, фольклористов, этнографов, культурологов, лингвистов и ученых других специальностей состоит в изучении культурных механизмов, обеспечивающих самосохранение народных традиций в неизвестных ранее социокультурных условиях.

XX век предоставляет уникальные возможности для культурологического анализа ситуации в российской деревне, поскольку представляет собой эпоху стремительных изменений во всех областях жизни общества. За этот период произошло несколько экстремальных событий, которые не могли не отразиться на облике традиционной культуры: это раскулачивание и коллективизация 1920–1930-х годов, Великая Отечественная война, наконец, полная

смена социально-политической парадигмы на грани 1980 – 1990-х годов. В этот ряд входят и экологические катастрофы, связанные с затоплением территорий из-за строительства электростанций, радиоактивным загрязнением в местах возведения атомных и космических объектов, в том числе из-за аварии на Чернобыльской АС. Все эти события, безусловно, оказали негативное воздействие на народную культуру и в то же время активизировали ее адаптационные возможности, которые могут и должны быть изучены, пока еще живо поколение носителей традиции, являющихся непосредственными свидетелями изменений в культурной жизни русской деревни. Их воспоминания, дневники, факты личных биографий имеют большую научную и историческую ценность и могут быть использованы в культурологических исследованиях.

Особого внимания заслуживают изменения в бытовании обрядов, праздничных гуляний, форм традиционного досуга и певческой практики, а также в жанровой системе, функционировании произведений музыкально-поэтического фольклора и их структуре в условиях русской деревни XX века. Занимаясь анализом фольклорных текстов, исследователи часто не обращали внимания на специфические для каждого культурного региона и исторического времени формы бытования фольклора, высвечивающие актуальную для народной культуры ценностно-нормативную систему. Новые культурные функции музыкально-фольклорных текстов могут быть определены путем анализа всех возможных контекстов (традиционных и нетрадиционных) их функционирования, являющихся для них порождающими. В этом отношении методологически важными являются работы этнолингвистов (Н.И. и С.М. Толстых, Л.Н. Виноградовой, Т.А. Агапкиной и др.) и этнологов семиотического направления (А.К. Байбурина, Г.А. Левинтона), в которых разрабатываются вопросы семантики, прагматики и культурных функций фольклорных текстов.

Главное внимание специалистов должно быть сосредоточено на жизни музыкально-фольклорных традиций. Музыка имеет огромное значение для всех восточнославянских народов, так как принадлежит к

числу их естественных ценностей и создает базу для поведенческих моделей различных групп населения. Кроме того, сама музыкально-фольклорная традиция является сложно организованной культурной подсистемой с достаточно жесткими связями и взаимообусловленностью всех ее компонентов. Изучение музыкально-фольклорных традиций немыслимо вне самого широкого культурного контекста, поскольку функционирование музыкально-фольклорных текстов определяется как этнографическим окружением, так и мифологическими представлениями о магии поющего человеческого голоса и возможности его воздействия на окружающую среду.

С функциональной точки зрения народная музыка обладает исключительной пластичностью. Она прекрасно вписывается практически в любые ситуации жизнедеятельности человеческого сообщества и отдельных индивидов. Музыка способна снимать психологические стрессы, организовывать работу, создавать праздничную атмосферу, структурировать время и пространство, приспосабливаться к любым изменениям в жизни деревенского социума.

В последние десятилетия в науке утвердились две магистральные линии, принципиально важные для исследования современных процессов в традиционной культуре. Первая связана с характером изменений, которые происходили в ней, начиная с 1920-х годов, в результате кардинальной перестройки государственно-политического, экономического, социального устройства российского общества и воздействия господствующей идеологии. А вторая предполагает сопоставление двух точек зрения на данные культурные процессы: глазами носителей традиции (изнутри) и глазами исследователей (извне). В результате этого сопоставления высвечиваются культурные механизмы, управляющие фольклорной традицией, а также последствия влияния на нее государственной культурной политики, современных технологий, средств массовой коммуникации и др.

Эти механизмы имеют универсальный характер, что дает возможность ретроспективного понимания процессов, происходивших в более ранние исторические эпохи при взаимодействии традиционной

культуры с другими культурными парадигмами (например, после христианизации Руси). Такая точка зрения перекликается с ретроспективным исследовательским методом Д.К.Зеленина, состоящем в последовательном движении вспять — от явлений, наблюдаемых в настоящем, к реконструкции более старых и исчезнувших культурных форм, и обусловливавшей их мировоззренческой системы. Такой подход дает понимание динамики культурных процессов.

Накопленные в последние десятилетия материалы позволяют выделить основные факторы, которые в течение XX века влияли на культурную жизнь традиционных сообществ и на сохраняемое ими нематериальное этнокультурное достояние. Так, в первой половине XX столетия определяющими явились:

- изменения в социально-экономической сфере (раскулачивание и коллективизация; миграционные процессы в связи с послевоенным восстановлением народного хозяйства и упразднением неперспективных деревень);

- изменения в хозяйственном укладе деревни (механизация сельского труда, смена хозяйственных приоритетов и т.п.);

- государственная культурная политика в деревне (создание клубов и клубной художественной самодеятельности, проведение смотров и фестивалей народного искусства, внедрение системы советских праздников, школьного образования, средств массовой информации);

- возрастание статуса личностного начала в культуре, которое привело к ускорению темпов культурных трансформаций;

- усиление влияния городской культуры, а вместе с ним воздействие письменности и авторских текстов;

- взаимоотношения государства и церкви;

- Великая Отечественная война и восстановление народного хозяйства в послевоенные годы.

Во второй половине XX столетия возникли новые факторы, влияющие на состояние традиционной народной культуры:

- современные военные конфликты;

- экологические катастрофы и природные катаклизмы;
- фольклорные экспедиции и молодежное фольклорное движение;
- уход из жизни старшего поколения носителей традиций, смена эстетических предпочтений, а также стилевых параметров фольклорных текстов;
- постепенное стирание региональной специфики произведений музыкально-поэтического фольклора в связи с исчезновением или изменением его контекстов.

Наконец, в 2010-е – 2020-е годы существенное воздействие на фольклорные традиции стали оказывать экстрафольклорные факторы, лежащие за пределами внутренних процессов саморазвития этнокультурных систем:

- государственная политика в области нематериального этнокультурного достояния, появление законодательных актов в данной сфере;
- развитие СМИ, особенно цифровых технологий, интернета, во многом диктующих художественные ориентиры и нередко способствующих распространению недостоверных сведений о народной культуре;
- интенсификация деятельности культурно-досуговых учреждений, которая имеет как позитивные, так и негативные последствия [11, с. 201–208].

Безусловно положительным является сохранение, пусть и частичное, традиционного репертуара и традиционных технологий в деятельности клубных музыкальных коллективов и объединений, поддерживающих мастеров декоративно-прикладного искусства.

Даже учитывая все потери, связанные с изменением условий бытования фольклорных произведений, со сценическими формами их репрезентации, сейчас мы ясно ощущаем последствия работы культурно-досуговых учреждений. Практически хотя бы фрагменты музыкально-фольклорных текстов традиционного слоя сохранились лишь там, где в течение длительного времени существовали клубные коллективы этнографического характера.

Позитивным результатом современной деятельности КДУ и особенно их участия в экспедиционных проектах последних лет является повышение статуса как самих носителей традиционной культуры, так и хранимых ими знаний.

А наиболее вредоносным следует признать продвигаемое во многих регионах восприятие фольклора как явления сугубо развлекательного, призванного веселить народ и внушать ему оптимизм и ощущение поверхностного эстетического комфорта. Такое искажение глубинных смыслов традиционной культуры неминуемо приводит к их фальсификации, что мы и наблюдаем в массовых масштабах.

Процессы, происходящие в фольклорных традициях под воздействием указанных выше факторов, неравномерны, очень сложны и не могут оцениваться однозначно негативно или позитивно. Результаты подобных воздействий в некоторых случаях трудно прогнозируются и зависят от множества субъективных причин, в частности:

- от того, в какой фазе своего развития находится та или иная традиция (продуктивной, деструктивной или консервативной);

- от самосознания определенных субэтнических общностей, сохранения стержневых концептов, присущих традиционному коллективному сознанию;

- от степени сохранности природной среды, в которой сформировалась та или иная традиция;

- от хозяйственной практики, которая либо актуализирует некоторые элементы фольклорной культуры, либо вытесняет их из обращения;

- от степени сохранности структуры деревенского социума, выражающейся в соотношении коренного и пришлого населения, различных половозрастных групп, в сохранении традиционного семейного уклада и др.;

- от степени востребованности отдельных элементов данной фольклорной традиции обществом, государственными и культурными

институтами, средствами массовой информации и их включенности (в тех или иных формах) в культурный оборот.

Ситуации, складывающиеся в разных регионах, порождаются различными комбинациями множества факторов. Исследования процессов этнокультурных трансформаций заставляют нас во многом пересмотреть прежние представления о темпах развития традиционной народной культуры, о ее консервативности, о допустимых масштабах подобных изменений, а также с бóльшей осторожностью относиться к попыткам реконструкции того облика фольклорных традиций, который, по нашему мнению, они имели в прошлом.

Последние десятилетия XX века стали для российской науки о музыкальном фольклоре эпохой интенсивного накопления информации. За эти годы существенно возросло количество организаций, занимающихся собиранием музыкально-фольклорных текстов: региональных центров традиционной культуры, факультетов гуманитарных вузов, различных общественных институций. Повысился профессиональный уровень работающих в них специалистов, чему немало способствовало открытие во многих учебных заведениях культуры и искусства отделений по специальности «этномузыкология». Расширение и оптимизация собирательской работы, в частности разработка и внедрение методики фронтального обследования территорий, значительно повысили результативность экспедиций. Ежегодно архивы различных научных, учебных, общественных организаций, а также личные собрания пополняются десятками тысяч аудио- и видеозаписей музыкального фольклора. Важной составляющей этого процесса стало постоянное совершенствование техники звукозаписи, появление аппаратуры, позволяющей даже непрофессионалу получить фонограммы высокого качества.

Результатом явилось резкое, невиданное ранее увеличение объема информации о традиционной музыкальной культуре, касающейся и собственно культурных текстов, и контекстов, в которых они функционируют. При этом очевидно, что любые выводы, к которым располагают новые сведения, не могут считаться окончательными, поскольку процесс сбора материалов продолжается.

В научную практику, помимо полевых записей, вводятся коллекции провинциальных архивов, в том числе личных, ждавшие своего часа не одно десятилетие. С пугающей легкостью произведения народной музыки тиражируются на дисках сомнительного качества, предлагаются к неограниченному копированию в Интернете, чему немало способствует всеобщая безграмотность в области авторских прав на запись музыкального фольклора.

Очевидно, что такой информационный скачок требовал осмысления, систематизации новых данных и их соотнесения с базовыми теоретическими положениями этномузыкознания, сформулированными в 1970-е – 1980-е годы. Многие из этих положений носят общий характер и нуждаются в детальной проработке, а иногда и в существенной коррекции. Это касается, в частности, представлений о видах народного многоголосия, о специфике и соотношении региональных традиций и др.

В результате на рубеже XX и XXI столетий в области знаний о традиционной музыкальной культуре обозначился круг новых проблем, как внутренних, так и внешних, требующих оперативного рассмотрения. Эти годы обозначили начало очередного этапа развития отечественной науки, черты которого пока еще только намечаются; однако уже ясно, что сложившаяся ситуация явилась результатом воздействия большой группы факторов, среди которых есть как внутренние, непосредственно касающиеся дальнейшего становления науки и состояния объекта ее изучения, так и внешние, лежащие в сфере отношений науки и общества, науки и государства.

Рассмотрим эти новые тенденции на примере регионалистики. Начиная с конца 1950-х гг. происходило стремительное накопление базы источников, чему способствовало увеличение количества ученых, специализирующихся на изучении явлений традиционной народной культуры, возрастание объемов и результативности полевых исследований музыкально-фольклорных традиций, модернизация материально-технической базы научно-исследовательских и образовательных учреждений, регулярно осуществляющих экспедиционные обследования территорий. В результате существенно

изменилось понимание структуры этнокультурных массивов и их внешних границ, что в свою очередь повлияло на содержание музыкально-фольклорных изданий. Если ранее региональный фольклор рассматривался в рамках административных границ, то к концу XX века стал преобладать иной принцип расположения материала, основанный на территориальном закреплении этнографических реалий и структурных компонентов музыкально-фольклорных текстов. Внедрение комплексных и междисциплинарных методов изучения привело к формированию музыкальной ареалогии, базирующейся на методике картографирования, а выбору релевантных единиц способствовало развитие структурно-типологического направления в российской этномузыкологии. В 1990-е – 2000-е годы в отечественной науке сложилась система представлений о музыкально-фольклорных традициях как о территориально закрепленных системных объектах с весьма сложной внутренней структурой. Были разработаны понятия «централизирующий компонент жанровой системы» и «жанрово-стилевая доминанта», принятые научным сообществом. Появились первые опыты системных описаний различных видов этнокультурных систем и создания типологии таких системных объектов.

Не последнюю роль в развитии отечественного этномузыкального знания сыграло фольклорное движение, зародившееся в 1970-е годы и окончательно оформившееся к концу 1980-х годов. Хотя в целом это общественное движение первоначально имело стихийный характер, в числе первых его участников и лидеров было немало профессиональных музыкантов и будущих ученых. Именно это уже на начальном этапе существования определило научную составляющую зарождающегося явления общественной жизни. Оно способствовало формированию нового направления в науке о традиционной музыкальной культуре, которое сейчас считается одним из наиболее перспективных во всем мире – практического этномузыкального знания [8, с. 115–123]. У его истоков стоял один из основоположников отечественной музыкальной фольклористики Е.В.Гиппиус. Его внимание к новым тенденциям естественным образом вытекало из постоянного интереса к проблемам аутентичных исполнительских

традиций и к вопросам сценической интерпретации фольклора. Как и некоторые другие этномузыковеды, Гиппиус в течение долгого времени сотрудничал с народными хорами и осуществлял звукозаписи «фольклорных групп», в середине XX века существовавших при некоторых народно-хоровых коллективах [7].

Ученый приветствовал создание «ансамблей-лабораторий» по практическому освоению певческих, инструментальных и хореографических традиций; по его мнению, именно такие исполнительские группы могли найти ответы на ряд вопросов, касающихся особенностей интонирования народных мелодий, формирования определенных исполнительских приемов и техник.

Впоследствии определился круг проблем, которые можно было решить только в области практического этномузыкального знания. Среди них — соотношение структуры певческого коллектива и локальных воплощений многоголосных традиций, то есть важнейшего «системного узла» локальной этнокультурной системы, в котором сходятся сферы исполнительства (интонирования, артикуляции) и структурных параметров музыкальных текстов, входящих в ту или иную традицию. Именно развитие практического этномузыкального знания привело к созданию во многих музыкальных вузах отделений по профилю «Этномузыкалогия». Многие из выпускников таких отделений приходят работать в культурно-досуговые учреждения, и первые результаты такого соединения науки и практики уже благотворно сказываются на деятельности по сохранению этнокультурного достояния в регионах России.

Еще одной важной тенденцией, обозначившейся в первые десятилетия XXI века, является повышение значения архивных фондов фольклорно-этнографических материалов, звуковых коллекций, существующих в учебных заведениях, академических научных организациях, в учреждениях культурно-досуговой сферы, а также в личных архивах собирателей. Однако в этой области пока ситуация складывается не слишком благополучно. Фольклорно-этнографические фонды не имеют специального статуса, а следовательно, не попадают в сферу юридического регулирования, поскольку действующее архивное

законодательство не учитывает их специфики. Ситуация усугубляется тем, что с естественным угасанием многих форм традиционной народной культуры такие фонды становятся единственным источником сведений об их бытовании в прошлом [14, с. 13–24.]. Показательно, что большинство выпускных квалификационных работ бакалавров и магистерских диссертаций в наши дни создается именно на архивных материалах, собранных предшествующими поколениями ученых. Для решения множества существующих проблем, связанных с условиями доступа к архивным материалам, смежными правами собирателей, урегулированием контактов между фондодержателями необходима разработка и внесение в правительство предложений по изменению законодательно-правовой базы, регулирующей защиту фольклорно-этнографических материалов и определяющей правила пользования ими. С целью систематизации информации по архивным фондам в 2018 году в Государственном Российском Доме народного творчества имени В.Д.Поленова был создан сектор исследования и сохранения архивных фондов, одним из проектов которого является формирование реестра российских фольклорно-этнографических экспедиций [6]. В течение последних лет были проведены всероссийские совещания и семинары по проблемам систематизации, формирования и сохранения архивных фондов. Такая деятельность, вне всякого сомнения, будет и в дальнейшем способствовать успешной подготовке и повышению квалификации специалистов учреждений науки, образования и культуры и в конечном итоге – сохранению нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации.

Литература

1. Анучин Д.Н. О применении фонографа к этнографии и в частности о записи шаманского камланья в Средне-Колымске, Якутской области // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Том II. М.: Тов. Скоропечатни А.А. Левенсон, 1911. С. 269–284.
2. Васкул А.И. Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 460–471.
3. Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.
4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация объединенных наций. URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml
(дата обращения: 29.03.2025).

5. Лапин В.А. «Книжная песня» XVII–XVIII вв. и фольклорные песенные традиции (К проблеме устного и письменного в традиционной культуре) // Лапин В. А. Очерки исторической проблематики русского музыкального фольклора. СПб.: РИИИ, 2017. С. 343–373.
6. Лобкова Г. В., Иванова Т. Г. История фольклористики и этномузыкологии (конец XVIII – XIX век). СПб.; Саратов: Амирит, 2020. 396 с.
7. Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е.В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е.А. Дорохова, О.А. Пашина. М.: Композитор, 2003. 213 с.
8. Морозов Д.В. Практическая этномузыкология: проблемы и перспективы // IV Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. науч. ст.: В 3 т. Т. 1: Народная музыкальная культура: история, современные исследования, проблемы актуализации / Ред.-сост. Е.А. Дорохова, Д.В. Морозов. М.: ГРДНТ им. В.Д. Поленова, 2019. С. 115–123.
9. Пуртова Т.В. Государственная поддержка нематериального наследия народной культуры в Российской Федерации: задачи, опыт, перспективы // V Всероссийский конгресс фольклористов: Современная научная мысль о традиционной народной культуре: Сб. науч. статей / Ред.-сост. Е.А. Дорохова, Д.В. Морозов. М.: ГРДНТ им. В.Д. Поленова, 2022. С. 11–17.
10. Рудиченко Т.С. Музыкальная этнография на рубеже веков и творческая личность А.М. Листопада // Памяти А.М. Листопада: Сб. науч. тр. / Ред.-сост. Т.С. Рудиченко. Ростов н/Д: Изд-во Гефест, 1997. С. 7–15.
11. Рудиченко Т.С. Традиционное бытовое пение в Донском регионе (по данным полевых исследований 2000-2010-х годов) // Фольклор в культуре повседневности: Сб. ст. / Науч. ред. Н.И. Жуланова, Л.В. Фадеева; отв. ред. Т.Н. Суханова. М.: ГИИ, 2019. С. 201–208.
12. Сокальский П.П. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, в ее строении мелодическом и ритмическом и отличия ее от основ современной гармонической музыки. Харьков: Тип. А. Дарре, 1888. 368 с.
13. Стенографический отчет о заседании Государственного совета «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России» // Президент России. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/23986> (дата обращения: 29.08.2025).
14. Черных А.В. Фольклорные собрания и архивы: проблемы сохранения и перспективы развития // Традиционная культура. 2022. Т. 23. № 2. С. 13–2

ЗНАЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ПЕСНИ В ПРАКТИКЕ ХОРОВОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА

Е.Н. Байкова,

Российская академия музыки имени Гнесиных

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос относительно роли народно-песенного материала как необходимого элемента репертуарно-концертной программы современных отечественных хоровых коллективов. В этом контексте прослеживается концепт «народная песня» в различных гранях его проявления. Среди них: специфическая природа звукоформы, основанная на*